

ИСТОРИЯ И ЛИЧНОСТЬ

А. Л. ТУРКЕВИЧ

«...ВОТ ПРАВДА, С КОТОРОЙ Я ВСТУПАЮ В НОВУЮ ЖИЗНЬ»

ИСТОРИК В ДНЕВНИКЕ, ДНЕВНИК КАК ИСТОРИЯ

Статья посвящена дневниковым записям советского историка-медиевиста В.Е. Майера, составленным в 1946-1947 г. Автор рассматривает не вводившиеся ранее в исторической оборот, дневники Майера с точки зрения отражения в них внутреннего мира молодого историка.

Ключевые слова: В.Е. Майер, дневник, источники личного происхождения, УГПИ.

В 2013 г. исполняется 95 лет со дня рождения известного советского историка-медиевиста профессора Вильгельма (Василия) Евгеньевича Майера (1918–1985). Знаменательная дата побуждает нас обратиться к изучению не только его научного наследия, но и непростого жизненного пути, которым шел историк, добиваясь признания в отечественной и мировой науке. Сложность этого пути была вызвана далекими от самой науки причинами: ответственный для любого ученого период подготовки и написания кандидатской диссертации выпал для В.Е. Майера, на 1946–1955 годы, когда историку пришлось преодолеть немало разного рода трудностей и преград, начиная от кадровых неурядиц в Удмуртском педагогическом институте и заканчивая ограничениями в передвижении по стране, связанными с его статусом «спецпоселенца»¹. Сравнительно слабая изученность этого жизненного периода ученого связана с незначительным объемом аутентичных источников, включающих в себя воспоминания его вдовы Б.П. Сысоевой и разрозненные, весьма малочисленные архивные документы. В этой связи большой интерес представляют дневниковые записи В.Е. Майера, до настоящего времени не привлекаемые в качестве исторического источника.

Важно отметить следующий момент – Василий Евгеньевич Майер писал *всегда*: дневники, путевые заметки, письма коллегам и родным, не говоря уж о научных и публицистических статьях и монографиях. Однако если последние активно использовались и используются исследователями при изучении майеровского наследия, то с введением в научный оборот документов личного происхождения дело обстоит сложнее. Несмотря на публикацию писем В.Е. Майера и его научного руководителя

---

¹ Подробнее см.: Профессор Василий Евгеньевич Майер ... 2012. С. 22-35.

М.М. Смирин, изучение майеровской переписки 1970–80-х гг., принятое Д.А. Черниенко, издание воспоминаний Б.П. Сыроевой, включающих в себя отрывки из писем и записных книжек историка², остается признать, что это лишь незначительная часть документов, оставленных Майером. Обращаясь к дневникам, мы можем не только заполнить какие-то лакуны биографического характера, но и ответить на вопросы о проблемах самоидентификации, стимулах профессиональной деятельности, мотивах принятия решений в той или иной ситуации, которые не всегда очевидны и редко обнаруживаются в научных текстах³.

Современные учебные пособия по источниковедению⁴, характеризуя познавательную ценность дневников, выделяют несколько специфических черт, которые могут быть верными, в том числе и для рассматриваемого нами документа. Во-первых, в подобных источниках практически отсутствуют так называемые ошибки памяти, что делает их точными с фактографической точки зрения. Во-вторых, среди тех, кто вообще склонен к ведению дневников, преобладают образованные, интеллектуальные люди, расположенные к рефлексии и самоанализу, для которых он – средство, чтобы выразить свои переживания, проблемы, чувства. В-третьих, в дневник заносились очень личные мысли и переживания, которые не предназначались для прочтения посторонними, изучения и, уж тем более, публикации. Поэтому перед исследователем, в том числе и перед нами, встает моральная дилемма: насколько уместно, допустимо ли вообще по отношению к фигуре самого автора и его родным использовать дневник как исторический источник, анализировать, выносить на суд общественности те или иные выдержки из его содержания. Мы решили подойти к этому вопросу максимально тактично: не вдаваясь в описываемые в дневнике подробности личной жизни В.Е. Майера, сосредоточиться на тех эпизодах, которые характеризуют его убеждения, принципы, на творческой составляющей источника.

В нашем распоряжении имеются дневниковые записи В.Е. Майера, охватывающие период с 5 апреля 1946 г. по 14 сентября 1947 г., т.е., как мы видим, относительно небольшой промежуток времени⁵. Записи сде-

---

² Письма учителю и другу... 2009. С. 316-355; *Черниенко*. 2009; Профессор Василий Евгеньевич Майер... 2012.

³ *Черниенко*. 2009. С. 166.

⁴ См.: Источниковедение новейшей истории России ... 2004. С. 329-331.

⁵ Дневник, о котором идет речь, разделен на 2 части: первая хранится в ГКУ Центр документации новейшей истории Удмуртской республики (ЦДНИ УР, Ф. 5014. Оп. 1. Д. 7), вторая – в архиве кафедры истории древнего мира и средних веков УдГУ. По-видимому, это самый ранний из сохранившихся майеровских дневников, но, разумеется, не единственный и не последний. К собственно дневникам примыкают записи,

ланы от руки в обычных ученических тетрадах. К сожалению, не сохранилась обложка этого дневника или его титульная страница, и мы не можем сказать был ли он оформлен неким специальным образом. Кроме того, в самом документе отсутствуют какие-либо авторские указания на причины, побудившие его вести дневник, и на то, какие цели он преследует. Связано это, по-видимому, с тем, что у В.Е. Майера существовала и раньше практика их ведения, но ее результаты не дошли до наших дней.

В указанный период В.Е. Майер не придерживался ежедневного ведения записей – они заносились в дневник время от времени, в связи событиями, имевшими для него особое значение, либо когда автор был «расположен» к этому и имел достаточно свободного времени. Так, первая запись относится к 5 апреля 1946 г., следующая – к 7 апреля того же года, а затем наступает почти двухмесячный перерыв – записи возобновляются в июне 1946 г.; после этого они вообще не велись в течение более 9-ти месяцев. Подобное «непостоянство» характерно для всего дневника. Данными самого документа невозможно объяснить, почему именно в те или иные промежутки времени В.Е. Майер не обращался к своему дневнику: нет никаких авторских указаний на то, с чем связаны временные лакуны, так же как и сами заметки не дают ответа на этот вопрос.

В содержании дневника можно условно выявить несколько сюжетных линий, проблемных блоков, единичных или время от времени возобновляемых. Первый из них – собственно описание текущих событий в жизни В.Е. Майера. Некоторые из них краткие, в одну–две строки: «21. IV. 1947. Завтра надо быть в школе. Мальчик. Радиоприемник. Мысли. Пурга. Лес. Ночевка. Табани⁶ и школа», – и представляют собой нечто среднее между памяткой в ежедневнике и тезисным описанием прошедшего дня. Однако большинство таких заметок носят развернутый характер: не простая констатация фактов, а их анализ и осмысление.

«Смотрели вчера “Русский в.<опрос>” Симонова⁷», – пишет Майер 1 апреля 1947 г., выделяя образы главных персонажей и актерскую игру. Майеровские характеристики яркие, насыщенные и искренние, не лишённые, впрочем, определенного схематизма: «Гальнбек (исполнитель роли Макферсона – А.Т.) очень подходит к такой агрессивной фигуре

составленные в экспедициях, в которых Майер принимал участие, и тетрадь взаимопосещений, которая педантично велась при кафедре всеобщей истории УдГУ.

⁶ Табани – национальное удмуртское блюдо, представляющее собой лепешки или толстые блины из дрожжевого теста.

⁷ «Русский вопрос» – пьеса К.М. Симонова, написанная в 1946 г., сюжет которой развивается вокруг американского журналиста, командированного в СССР для написания уничтожительной книги, но не поступившего своими убеждениями, отказавшись писать заведомую ложь.

алчного финансиста. Волосы белые, лицо чистое, светлое, живые звериные глазки над хищным носом американца. Играет он живо и реально», «Смит не наш, не русский герой, он не так прямолинеен, он и не так хитер, но он прост, он чист, он даже горд...». Пьеса вызвала у Майера живой интерес, и, спустя две недели, он выступил на ее обсуждении (по-видимому, в Институте) с характеристикой образа Макферсона. В соответствии с духом времени и с собственными убеждениями, Майер видит в нем врага, сильного во всех отношениях, которого «мы ненавидим всей душой». Подобные, довольно распространенные комментарии он давал всем культурным событиям, нашедшим отражение в его дневнике. Освещая события вечера художественной самодеятельности студентов УГПИ, он перечисляет виды номеров («пели в одиночке, вдвоем, втроем, хором, плясали, чтецы читали...»), отмечает особо удачные и запомнившиеся («поражала ее неподражаемая мимика, ее жесты, ее фантазия, ее легкость») и делает общий вывод о роли сценического искусства как самого «доходчивого после кино».

Близки к таким описаниям заметки о педагогической деятельности историка. Их, к сожалению, не много, но они представляются весьма ценными, так как характеризуют и самого Майера как педагога, и его требования к студентам. 22 марта 1947 г. он пишет в дневнике: «Сегодня я провел первое политзанятие со 2-м курсом. Тема: Послание Трумэна конгрессу». Несмотря на явную неохоту, с которой студенты шли на занятие, Майер отмечает, что ему удалось их воодушевить, заставить слушать и вникать. Видя серьезную разницу между студентами УГПИ и столичными (напомним, что сам Майер окончил исторический факультет МГУ) в плане политической подкованности, он замечает, что особо важно привить в них привычку к чтению газет. Эту миссию он возлагает на себя: «они должны все знать и они будут знать. ...Постараемся». Предъявляя высокие требования к студентам, Майер активно использовал термины и понятия, незнакомые учащимся, что вынуждало их специально записывать, спрашивать значение: «необходимость заставляет нас трудиться», – подчеркивает историк.

Конечно, изложение текущих событий касалось не только вопросов культуры или преподавания – В.Е. Майер не мог обойти своим вниманием перипетии личной жизни, но этот аспект им освещался сжато и лаконично. Однако именно в этих записях ярко прослеживается то, что мы бы назвали характером, духом дневника, то, что весьма важно для понимания внутреннего мира и душевного состояния его автора. Если ранние записи Майера часто касаются трудностей и недопонимания в отношениях с близкими («Я иногда очень крут, а это мешает общему

делу» и т.п.), то последующие носят более позитивный характер: «Все-таки хороша жизнь!», – подводит он итог первому году в супружестве. Большим событием для него стало рождение ребенка: «Я бесконечно счастлив», – пишет он по этому поводу⁸.

Следующий тематический блок, вплотную примыкающий к первому, можно назвать ретроспективным, так как он представляет собой авторские обращения к прошлому, которые были навеяны ему событиями текущих дней. Собственно, этим и начинается дневниковое повествование – с воспоминаний В.Е. Майера о школьных днях, когда он познакомился со своей первой супругой Екатериной; поводом к описанию этого сюжета стала его повторная женитьба. По всей видимости, в этот жизненный период Василий Евгеньевич чувствовал острые внутренние противоречия: с одной стороны, чувство долга и совесть не позволяли ему оставить первую жену с двумя детьми на попечение престарелых родителей, переселенных в Сибирь, с другой, понимая, что больше ее не любит, а любит другую, он страстно желал начать новую жизнь, на новом месте, отбросив в прошлое тяготы войны. Выбранный им путь был отрицательно встречен общественным мнением, осознавая, что ему не с кем поделиться своими душевными переживаниями, Майер на страницах дневника излагает историю встречи с первой женой, совместной жизни и причины своих последующих действий. Выражено это в форме своеобразного монолога – ответа на письмо от анонимного адресата, приводимое автором дневника в качестве эпиграфа, в котором он порицается за свой поступок. Но, несмотря на развод с первой женой, Василий Евгеньевич не забывал о детях от этого брака и проявлял о них посильную заботу: «Алику 9 лет! Привез ему в январе костюмчик. Он очень обрадовался, и все дни моего пребывания щеголял в нем», – пишет Майер 23 марта 1947 г.

Заметим: в первые послевоенные годы В.Е. Майеру, этническому немцу, приходилось непросто в совершенно чужом городе, где не было ни знакомых, ни родных. Но именно женитьба на Б.П. Сысоевой, с которой он познакомился еще в годы войны, была для него шансом начать с начала: «я сейчас оплеванный, оклеветанный, но я чувствую, что я живу, что у меня будут новые стремления жить... вот правда, с которой я вступаю в новую жизнь», – подводит итог своим воспоминаниям и первым дням в новом качестве Василий Евгеньевич.

Еще одно обращение Майера к прошлому также вплотную связано с событиями текущих дней. «Недавно в расстоянии не более 500 м. от

---

⁸ Речь идет о Валерии Вильгельмовиче Майере, родившемся 20 июня 1947 г.; сейчас – доктор педагогических наук, специалист по дидактике физики.

института открылась церковь⁹. Как-то молодежь даже заговорила о том, что следовало туда сходить. Меня нисколько она не интересует», – пишет он 7 апреля 1946 г. Объясняя причины своего «неинтереса» к делам церкви, Майер связывает это с детством, школьными годами. Несмотря на то, что его предками были протестанты-меннониты, переселившиеся на территорию Украины еще в годы царствования Екатерины II, к 1920–30 годам его семья уже не относилась к этому течению. Вспоминая события тех лет, Майер описывает свою мать, Матильду Федоровну, как человека религиозного, но яркого антиклерикала, не признававшего ни церковь, ни священнослужителей. Не без ее влияния и в самом Василии Евгеньевиче сформировалось неприятие церкви и религии вообще. Сыграла свою роль, по-видимому, и советская воспитательная модель: «в церковь я перестал ходить с первого дня посещения школы», – замечает автор дневника, а характеризуя с. Зеленое Поле и местную школу¹⁰, он обосновывает их отсталость, главным образом, тем, что кроме него там не было пионеров, зато одноклассники знали религиозные песни¹¹.

Для В.Е. Майера родным языком был немецкий, и на протяжении всей жизни ему приходилось постоянно учиться, совершенствоваться в русском языке, в том числе и при помощи своего дневника¹². Время от времени он делал в нем небольшие заметки, представляющие собой фразеологизмы или просто понравившиеся ему выражения, с помощью которых он хотел расширить словарный запас и повысить культуру устной речи. Эти заметки мы можем выделить в очередной проблемный блок в структуре дневника. «Не ходи по косогору – сапоги источишь; голова то с овин, да в овине то клин; в чужую кашу свою ложку не сунь», – читаем мы записи в дневнике от 30 марта 1947 г. Иногда таки-

---

⁹ Речь идет о соборе Св. Троицы, возведенном еще в начале XIX в., но закрытом в 1930-е гг. Его повторное открытие и первая служба состоялись 17 марта 1946 г.

¹⁰ С. Зеленое Поле (сейчас – в Криворожском районе Днепропетровской области Украины) – бывшая немецкая колония Грюнфельд, где В.Е. Майер жил у своего брата Оскара в 1931–1934 гг.

¹¹ Подобное отношение к церкви В.Е. Майер сохранял на протяжении всей жизни: в 1960–70 гг. он был председателем научно-методического совета по атеизму при Удмуртском отделении общества «Знание», а также автором ряда статей на антирелигиозную тематику в ижевской периодической печати и брошюры «Что такое христианство», выдержанной в атеистических тонах. При этом Майер далек от огульной критики церкви: свою точку зрения он высказывает корректно и аргументированно.

¹² Сам дневник является свидетельством несовершенного знания Майером русского языка в те годы: орфографических ошибок практически нет, но встречаются пунктуационные, а также стилистические неточности, например, употребление слова «эпитет» в значении «эпиграф». В целом, однако, у читателя не возникает ощущения, что автор писал на неродном для него языке.

ми фразеологизмами Майер заполнял 1-2 страницы, и тогда они становились основой описания указанного дня, а иногда они лишь предваряли последующие замечания и занимали, соответственно, уже 2-3 строки. Как отмечает Б.П. Сысоева, практика таких записей сохранялась у него и в дальнейшем и они часто составлялись на основе литературных произведений, например, «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле¹³.

Майер стремился к совершенствованию не только устной речи, но и письменной. Уже сам факт того, что дневник велся не на немецком языке, а на русском, говорит о заинтересованности автора в том, чтобы укрепить навыки владения последним. Хотя, конечно, свою роль здесь мог сыграть фактор едва окончившейся войны: оказавшись в руках недоброжелателей дневник на немецком языке сильно скомпрометировал бы автора.

Весьма интересны небольшие литературные опусы, объемом до четырех страниц, встречающиеся среди дневниковых записей. Некоторые из них озаглавлены, например «Мальчик-шофер», другие – нет, но при этом нигде нет указаний на их авторство. Попытка определить его с помощью поисковых систем сети интернет (запросы осуществлялись и по названию, и по отдельным словосочетаниям) не дал результата; это, а также «внешний вид» текста в рамках дневника, включающий помарки и авторские правки, вплоть до нескольких вычеркнутых строк, позволяют нам с большой степенью уверенности предположить, что Майер не просто переписывал понравившиеся ему произведения, а являлся их автором.

Без специальной филологической подготовки, наверное, не стоит браться оценивать художественную ценность этих мини-повестей, однако в наших силах провести их общий анализ. Первое, что бросается в глаза при их прочтении, – это стремление автора создать (или описать, поскольку персонажи, наверняка, имели своих прототипов) яркий образ своих героев. Иногда опус полностью состоит только из подобной характеристики: «Александрич – старик, сбившийся с пути. Он редко бывает дома. ...Бывает, он зарабатывает много, тогда он и кутнет, да иногда так, что среди зимы в одной рубашке его увозят домой. ...Старик – забавный. У него целая энциклопедия народных поговорок, пословиц, изречений. Он хитер, как мужик, но чем-то обижен. Эта обида давняя, всеми уже давно забытая, но она тяжелым камнем легла у него на сердце. Может ли он ее когда-нибудь забыть? Нет, уже поздно, ближе могила, чем возможность сделать это». Образ далеко не идеальный, со своими положительными и отрицательными чертами, и для майеровских героев это характерно в целом.

---

¹³ Профессор Василий Евгеньевич Майер ... 2012. С. 31-32.

Иван Степанович, персонаж другого рассказа, яркая зарисовка с натуры, представлен в двух ликах: дома – это тиран и скряга, он постоянно третирует жену, мелочно обвиняет ее за мнимое расточительство (выпила больше чая или съела больше мяса за ужином), а сам не принимает участия ни в воспитании ребенка, ни в хозяйственных заботах; но в институте – это совершенно другой человек: хороший организатор, лектор, любимый студентами, внимательный, обходительный, деловитый. Сам Майер, точнее сказать автор-повествователь, называет его «странным человеком», «исключением в наше время».

Единственный строго положительный герой в майеровских зарисовках – это Веня Ложкин из повести «Мальчик-шофер», наверное, самой «художественной» из представленных в дневнике, в том плане, что действие в ней разворачивается не вокруг привычной для Майера сельской или институтской жизни, и автор здесь не просто облекает в литературную плоть свои наблюдения и замечания, а создает что-то настоящему новое. Отсюда и гораздо большее, чем раньше, число исправлений в тексте. Главный герой – мальчик-самоучка, увлекающийся автомобилями, скромный и застенчивый, но, стремящийся стать шофером и добивающийся этого благодаря таланту и упорству. Этому персонажу автор определенно симпатизирует.

Выделение в структуре дневника нескольких тематических блоков позволяет нам не только осмыслить информацию, содержащуюся в нем, но и обратить внимание на то, какие аспекты здесь не затронуты, хотя мы могли бы на это «рассчитывать». Речь идет о кандидатской диссертации, которая была защищена Майером в 1955 г.¹⁴ Сложно сказать, когда именно Василий Евгеньевич решил посвятить свою жизнь науке: его переписка со своим научным руководителем М.М. Смириным по вопросам будущей диссертации завязалась в 1951 г.¹⁵, но трудно представить, что мысли о научной работе и ее направлениях не посещали Майера раньше, возможно, и в годы составления дневника, имеющегося в нашем распоряжении. Не ясно, однако, почему в таком случае это не нашло отражения в нем. Впрочем, это ничуть не умаляет ценность майеровского дневника как исторического источника.

Охватывающий непродолжительный отрезок времени дневник, тем не менее, предоставляет исследователю массу сведений и информации. Здесь ярко прослеживается эволюция внутреннего мира молодого историка: на смену упадку и депрессии первых страниц дневника при-

---

¹⁴ Майер. 1955.

¹⁵ Письма учителю и другу... 2009. С. 316-355.

ходят надежда и новые стремления последних. Важна для нас и собственно историческая, фактическая сторона документа, отражающая не только события 1946-1947 гг., но и школьные годы жизни В.Е. Майера, являющиеся настоящим белым пятном в его биографии. Дневник раскрывает убеждения и ценности автора, особенности его характера – постоянное стремление к совершенствованию, все то, что в конечном итоге определяет Майера как ученого: принципы работы, научные и общественные интересы, педагогическая составляющая.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. М.: Высшая школа, 2004. 686 с.
- Майер В.Е.* Уставы (Weistumer) как источник по изучению положения крестьян Германии в конце XV – начале XVI века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1955.
- Майер В.Е.* Что такое христианство. Ижевск, 1960.
- Симонов К.М.* Русский вопрос // *Симонов К.М.* Собрание сочинений в 6 томах. Т. 6. М., 1970. С. 351-422.
- Письма учителю и другу. Из научного наследия профессора В.Е. Майера // Средние века. Вып. 70 (1-2). М., 2009. С. 316-355.
- Профессор Василий Евгеньевич Майер в воспоминаниях и письмах. Ижевск: Издательство «Удмуртский университет», 2012. 418 с.
- Черниенко Д.А.* Историк и время (из научной переписки профессора В.Е. Майера) // Диалог со временем. 2009. Вып. 28. С. 166-175.
- Туркевич Андрей Львович*, аспирант Удмуртского государственного университета, andreylt1988@ya.ru